

Дэвид Г. Лоуренс

Д. Г. Лоуренс

СЫНОВЬЯ И ЛЮБОВНИКИ

СЫНОВЬЯ
И ЛЮБОВНИКИ

Дэвид Герберт Лоуренс — один из наиболее читаемых английских писателей. Его романы и по сей день пользуются огромной популярностью. Произведение «Сыновья и любовники» принесло автору ошеломительный успех. Роман стал классикой литературы XX века.

Миссис Морел не была счастлива в браке. Всю свою любовь она отдала сыну Полу. Он стал для нее смыслом жизни. Когда Пол возмужал, в его жизни появилась девушка по имени Мириам. Влюбленность захлестывает парня, но между ним и Мириам становится миссис Морел. Он должен сделать выбор между матерью и любимой. Однако встреча с Кларой все меняет...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-8172-1

9 786171 281721

ДЭВИД ГЕРБЕРТ
ЛОУРЕНС

DAVID HERBERT
LAWRENCE

SONS AND LOVERS

A NOVEL

ДЭВИД ГЕРБЕРТ
ЛОУРЕНС

**СЫНОВЬЯ
И ЛЮБОВНИКИ**

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2020 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
Л81

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Перевод с английского *Раисы Облонской*

ISBN 978-617-12-8172-1

- © Р. Облонская, наследники, перевод, 2020
- © DepositPhotos.com / nejron, Demian, TsuneoMP, Sonyachny, igor.kardasov.gmail.com, обложка, 2020
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке и художественное оформление, 2020

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Первые суффуржеские годы Морелов

«Низинный» вырос на месте «Преисподней». Так называлась улочка, состоящая из крытых соломой, кособоких домишек на берегу ручья, при Гринхиллской дороге. Жили тут углекопы, что работали неподалеку в небольших шурфах с подъемниками. Ручей прятался среди черной ольхи, почти вовсе не пострадавшей от близости шахт, откуда ослики, устало бредущие вокруг вóрота, вытаскивали уголь на поверхность. И повсюду окрест рассыпаны были эти шурфы, иные выработанные еще во времена Карла II, и немало углекопов и осликов копошилось в земле, точно муравьи, оставляя среди полей и лугов несуразные бугры и небольшие черные проплешины. И домишки этих углекопов, сгрудившиеся то там, то тут по два, по три, а то и вытянувшиеся в улочку, вместе со стоящими на отшибе фермами и жилищами чулочников, образовали поселок Бествуд.

Потом, лет шестьдесят назад, все вдруг переменялось. Мелкие шурфы исчезли под натиском шахт, принадлежащих финансовым тузам. В Ноттингемшире и Дербишире обнаружили большие залежи угля и железной руды. Родилось акционерное общество «Карстон, Уэйт и К^о». При чрезвычайном волнении собравшихся лорд Палмерстон официально открыл первую шахту Компании в Спини-парк.

Примерно в ту же пору пресловутую «Преисподнюю», о которой с годами пошла дурная слава, сожгли дотла и таким образом избавились от всяческой грязи.

«Карстон, Уэйт и К^о» увидели, что дело оказалось прибыльное, и в долинах ручьев вокруг Селби и Наттола стали закладывать новые копи, так что скоро работа шла уже в шести шахтах. От Наттола по высокой насыпи среди леса протянулась железная дорога, мимо развалин небольшого картезианского монастыря, мимо родника Робин Гуда, к Спини-парку, потом к Минтону, — к большой шахте

среди пшеничных полей, от Минтона через обработанные поля в долине к Банкер-хилл, а там разветвлялась и уходила на север, к Беттерли и Селби, откуда уже видны Крич и холмы Дербишира; шесть шахт, точно черные шляпки гвоздей, вбитых то там, то здесь, и соединила петля тонкой цепочки — железной дороги.

Чтоб было где разместиться множеству углекопов, Компания построила Квадраты, четырехугольники домов среди холмов Бествуда, а потом в долине ручья, на месте «Преисподней», возвела «Низинный».

«Низинный» состоял из шести кварталов шахтерских домиков — два ряда, по три квартала в каждом, точно домино, на котором шесть очков, и в каждом квартале двенадцать домиков. Оба ряда расположились у подножья довольно крутого склона, и оттуда, по крайней мере из окон мезонинов, видно было, как противоположная сторона долины полого поднимается к Селби.

Домики сами по себе были солидные и очень славные. Идешь — и всюду палисадники, и в нижней, теневой части поселка в них примулы, аврикулы и камнеломка, а в верхней, солнечной, — гвоздика турецкая и обыкновенная; у каждого домика ясные окошки, и крылечко, и невысокая живая изгородь из бирючины, и окошки мезонинов. Но так оно снаружи — к улице у всех шахтерских жен обращены нежилые гостиные. А жилая комната, она же кухня, в глубине дома, окнами на зады поселка, на жалкий огород и на выгребную яму за ним. А между рядами домов, между протянувшимися из конца в конец выгребными ямами — узкая улочка, где играют дети, судачат женщины, курят мужчины. Так что хоть и был «Низинный» так хорошо построен и так славно выглядел, истинные условия жизни были там совсем неприглядные, ведь жизнь-то шла в кухнях, а кухни выходили на эту чумазую улочку выгребных ям.

Миссис Морел переезжала из Бествуда в «Низинный» безо всякого удовольствия — он простоял к тому времени уже двенадцать лет и лучшие его дни миновали. Но выбора у нее не было. Хорошо хоть дом ей достался самый последний в ряду, в верхней части поселка, а значит, соседи только с одной стороны, а с другой — лишний клочок земли под огород. И поселившись в крайнем доме, она слыла среди здешних женщин чуть ли не аристократкой — ведь за дома, стоящие среди других домов, арендная плата была пять шиллингов в неделю, а за ее дом — пять с половиной. Но это превосходство не очень-то ее утешало.

Миссис Морел было тридцать один год, и замуж она вышла восемь лет назад. Небольшого росточка, хрупкая, но с решительной осанкой, она от первого знакомства с жительницами «Низинного» как-то съежилась. Переехала она в июле, а в сентябре должна была родить своего третьего.

Муж ее был углекоп. Они не прожили в своем новом доме еще и месяца, как наступил праздник, открылась ярмарка. Она знала: Морел, конечно же, не упустит случая повеселиться. В понедельник, в день ярмарки, он ушел спозаранку. Дети были страшно возбуждены. Семилетний Уильям умчался сразу же после завтрака, ему не терпелось порыскать среди балаганов. Энни, которой было всего пять, он с собой не взял, и она все утро хныкала, просилась туда же. Миссис Морел хлопотала по хозяйству. С соседями она еще толком не познакомилась и не знала, кому доверить девчужку. Пришлось пообещать ей, что они отправятся после обеда.

Уильям прибежал в половине первого. Этот живой светловолосый веснушчатый мальчонка слегка смахивал на датчанина или норвежца.

— Мам, пообедать можно? — воскликнул он, прямо в шапке вбегая в дом. — Она начнется в полвторого, мне один дяденька сказал.

— Пообедаешь сразу, как будет готово, — ответила мать.
— А еще не готово? — воскликнул он, сердито уставившись на нее синими глазами. — Тогда побегу без обеда.
— И думать не смей. Обед будет готов через пять минут. Еще только половина первого.
— Там все начнется! — чуть не плача крикнул мальчуган.
— Ничего страшного, даже если и начнется, — сказала мать. — Теперь только половина первого, у тебя еще целый час.

Сынишка стал торопливо накрывать на стол, и все трое тотчас уселись. Они ели пудинг с джемом, и вдруг Уильям вскочил со стула и замер. В отдалении послышалось побрякивание запущенной карусели, затрубил рожок. С искаженным лицом мальчик посмотрел на мать.

— Вот видишь! — сказал он и кинулся к вешалке за шапкой.

— Пудинг прихвати... еще только пять минут второго, выходит, ошибся ты... два пенни свои забыл! — одним духом прокричала мать.

Вконец разогорченный, мальчик вернулся, схватил монетку и, ни слова не сказав, выбежал вон.

— Хочу на ярмарку, на ярмарку, — захныкала Энни.

— Да уж пойдешь, маленькая плакса, ишь как вся сморщилась, — сказала мать.

И попозже устало побрела со своей девочкой вдоль жилой изгороди вверх по холму. Сено с полей уже убрали, и на стерню выпустили скот. Было тепло, мирно.

Миссис Морел не нравились такие праздники. Здесь крутились две упряжки деревянных коней, одна с помощью пара, другую водил по кругу пони; вертели ручки трех шарманок, слышался треск одиночных пистолетных выстрелов, оглушала трещотка торговца кокосовыми орехами, громко скликали охотников поиграть в «тетку Салли», владелица кинетоскопа хриплым голосом зазывала погля-

деть диковинные картинки. Мать увидела своего сына — он стоял подле балагана со львом Уоллесом и упоенно глазел на изображения этого знаменитого льва, который убил негра и оставил на всю жизнь калеками двух белых. Она не стала мешать сыну и пошла купить ириску для Энни. Но скоро Уильям уже стоял перед ней, отчаянно взбудораженный.

— Ты ж не сказала, что придешь... тут столько всего, правда?.. Этот лев, он убил трех человек... я свои два пенса потратил... вот, погляди.

Он вытащил из кармана две рюмочки для яиц, на обеих нарисовано по мускусной розе.

— Я их выиграл вон в том киоске, загнал шарик в ямки. Я их за два кона получил... полпенни за кон... вот, погляди, на них мускусные розочки. Мне их хотелось.

Это ему для нее хотелось, поняла мать.

— Гм! — сказала она, довольная. — Они и вправду милые.

— Возьми, а то вдруг я разобью.

Сейчас, когда пришла мать, в нем все так и бурлило, и он потянул ее по ярмарке, показывая все подряд. Потом у кинетоскопа она объяснила ему, что значит каждая картинка, получился прямо рассказ, и мальчик слушал как завороженный. Он не отходил от нее ни на шаг. Так и лнул к ней, переполненный мальчишеской гордостью за мать. Ведь в своей черной шляпке и накидке она казалась настоящей леди, не то что другие. Встречая знакомых женщин, миссис Морел им улыбалась. А когда устала, спросила сынишку:

— Ну как, пойдём домой или ещё побудешь?

— Уже уходишь! — воскликнул мальчик, и такой упрек выразился у него на лице.

— Уже? Да ведь пятый час, как я понимаю.

— Ну почему, почему ты уходишь? — жалобно протянул Уильям.

— Если тебе не хочется уходить, останься, — сказала мать.

И вместе со своей девчушкой не спеша пошла прочь, а сын смотрел ей вслеп, огорченный до глубины души и все-таки не в силах расстаться с ярмаркой. Проходя мимо трактира «Луна и звезды», миссис Морел слышала громкие мужские голоса, до нее донесся запах пива, и она прибавила шаг, подумала, что и ее муж, должно быть, там.

Около половины седьмого вернулся сын, теперь уже усталый, бледный и какой-то приунывший. Сам того не понимая, он был удручен, оттого что отпустил мать одну. Стоило ей уйти, и ярмарка перестала его радовать.

— А папа приходил? — спросил он.

— Нет, — отвечала мать.

— Он пиво разносит в «Луне и звездах». Я видел через дырки в железных ставнях, он рукава закатал.

— Ха! — сердито воскликнула мать. — Он без денег. И будет рад, если сможет даром выпить, пусть даже ничего больше не получит.

Скоро стало смеркаться, миссис Морел не могла больше шить, и она поднялась и подошла к порогу. Все вокруг было пронизано праздничным неутомным возбуждением, которое наконец передалось и ей. Она вышла в садик. Возвращались домой с ярмарки женщины, ребятишки прижимали к груди кто белого барашка с зелеными ногами, кто деревянного коня. Изредка, нагрузившись под завязку, нетвердыми шагами проходил мужчина. А то мирно шествовал во главе семейства примерный супруг. Но чаще женщины шли без мужей, только с детьми. В сгущающихся сумерках сплетничали на углах домоседки, сложив руки под белыми фартуками.

Миссис Морел стояла одна, но ей было не привыкать. Сын и дочурка спят наверху, значит, похоже, дом здесь, у нее за спиной, в целостности-сохранности. Но ожидающееся прибавление семейства угнетало. Жизнь казалась без-

отрадной — ничего хорошего уже не ждет ее в этом мире, по крайней мере пока не вырос Уильям. Да, ничего ей не остается, кроме безотрадного долготерпенья — пока не выросли дети. А детей что ждет! Не вправе она заводить третьего. Не хочет она его. Отец подает пиво в пивной, лишь бы самому напитаться допьяна. Она презирует его — и прикована к нему. Новое дитя ей не по силам. Если б не Уильям и Энни, у нее опустились бы руки в этой борьбе с нищетой, уродством, убожеством.

Слишком она сейчас отяжелела, на улицу не выйти, но и оставаться в доме не в состоянии, и она вышла в палисадник. Было жарко, нечем дышать. Она вглядывалась в будущее, и при мысли о том, что ждет впереди, ей казалось, ее похоронили заживо.

Крохотный палисадник окружали кусты бирючины. Миссис Морел стояла там в надежде, что запах цветов, красота угасающего вечера утешат ее. Напротив крохотной калитки была приступка, ведущая на холм, к высокой живой изгороди меж пламенеющих на закате скошенных лугов. Высоко в небе переливался, трепетал свет. Но вот уже померкли дуга, землю и живые изгороди обьяла сумеречная дымка. Темнело, и из-за холма поднялось красное сиянье, доносились, теперь уже слабее, отзвуки ярмарочной суеты.

Иногда в провале тьмы, обозначившем тропинку между живыми изгородями, пошатываясь, брел домой мужчина. Какой-то парень припустился бегом по крутому у подножья склону холма и, споткнувшись о приступку, с шумом грохнулся наземь. Миссис Морел вздрогнула. А он поднялся, зло, но и жалобно ругаясь, будто это приступка виновата, что он ушибся.

Неужто и дальше все так и будет, подумала миссис Морел, и с этой мыслью пошла в дом. Нет, ничего не изменится в ее жизни, она уже начинала это понимать. Такой

далекой кажется юность, и трудно представить, что это она, тяжело ступающая сейчас по двору в «Низинном», десять лет назад так легко бежала по молу в Ширнессе.

— У меня-то что общего с этим? — спросила она себя. — У меня-то что общего со всем этим? Даже и с ребенком, которого я ношу! Сдается мне, сама я совсем не в счет.

Бывает, жизнь вцепится в человека, влечет его за собой, творит его судьбу, и, однако, эта судьба кажется неправдоподобной, будто дурной сон.

— Я жду, — сказала себе миссис Морел. — Жду, а тому, чего жду, может, и не бывать.

Она прибрала в кухне, зажгла лампу, помешала уголь в очаге, собрала на завтра стирку и замочила. Потом села за шитье. Проходил час за часом, и размеренно сновала взад-вперед иголка. Иной раз женщина вздохнет, утомившись, переменит позу. И все думает, думает, как лучше распорядиться тем, что ей дано, — ради детей.

В половине двенадцатого вернулся муж. Щеки над черными усами пунцовые, так и лоснятся. Голова покачивается. Сразу видно, очень собой доволен.

— Вон чего! Вон чего! Поджидаешь меня, лапушка? А я Энтони помогал, и сколько, думаешь, он заплатил? Паршивые полкроны, и ни гроша больше...

— Он считает, ты остальное получил пивом, — резко сказала она.

— А я не получил... не получил. Ты мне верь. Я нынче совсем чуток выпил, верно тебе говорю. — Теперь в голосе его зазвучала нежность: — Глянь, я те какой пряничек принес, а ребятишкам вон орех кокосовый. — Он положил на стол круглый пряник и обросший волосками кокос. — Нет, видать, спасибо ни в жисть не дождешься, верно я говорю?

Не желая с ним ссориться, жена взяла кокос и потрясла, проверяя, есть ли в нем молоко.

— Орех что надо, не сумлевайся. Мне Билл Ходжкисон дал. «Билл, — говорю, — на что тебе три ореха-то? Может, дашь один для моего мальчика и девчонки?» А он говорит: «Как не дать, Уолтер, дружище, бери, какой глянулся». Ну я и взял, спасибо ему сказал. Трясти-то у него на глазах не стал, а он говорит: «Ты погляди, Уолт, хорош ли орех взял». Так что я уж знал, орех первый сорт. Золотой он парень, Билл Ходжкисон, золотой!

— Пьяному ничего не жаль, — сказала миссис Морел, — а вы оба с ним напились.

— Да что это ты говоришь, лапушка моя, кто напился? — возразил Морел. Был он до крайности доволен собой, а все оттого, что весь день помогал в «Луне и звездах». И сейчас болтал, не закрывая рта.

Миссис Морел, безмерно усталая, раздосадованная его болтовней, поспешила уйти спать, а он все ворошил угли в очаге.

Миссис Морел была родом из старой добропорядочной семьи горожан, славных сторонников Независимых, которые воевали на стороне полковника Хатчинсона и остались неколебимыми конгрегационалистами. В пору, когда в Ноттингеме разорилось множество предпринимателей, связанных с производством кружев, обанкротился и ее дед. Отец ее, Джордж Коппард, был механик — рослый, красивый, заносчивый, он гордился своей белой кожей и голубыми глазами, но еще того более своей неподкупностью. Гертруда хрупкой фигуркой походила на мать. Но гордый и непреклонный нрав унаследовала от Коппардов.

Джордж Коппард мучительно терзался своей бедностью. Он работал старшим механиком в доках Ширнесса. Миссис Морел, Гертруда, была его второй дочерью. Она пошла вся в мать и ее больше всех любила; но унаследовала коппардовские ясные голубые непокорные глаза и высокий лоб. Она помнит, как ненавистна была ей властная

манера отца в обращении с ее кроткой, веселой, добро-сердечной матерью. Помнит, как бегала по молу в Шир-нессе и отыскивала корабль, который ремонтируют под началом отца. Помнит, как однажды побывала в доках и рабочие баловали ее и расхваливали на все лады, потому что была она милая и притом гордая девчушка. Помнит чудаковатую старушку учительницу в частной школе, у которой она была помощницей и которой так люби-ла помогать. И она до сих пор хранит Библию, которую ей подарил Джон Филд. В девятнадцать лет она обычно возвращалась из церкви с Джоном Филдом. Был он сыном состоятельного коммерсанта, учился в колледже в Лондо-не, и ему предстояло заняться коммерцией.

Ей навсегда запомнилось то сентябрьское воскресенье, когда после полудня они сидели вдвоем под вьющимся ви-ноградом в саду за домом ее отца. Солнце пробивалось сквозь просветы между листьями, и солнечные блики об-разовали прихотливый узор, словно на них обоих накинун-ли кружевной шарф. Иные листья были совсем желтые, будто плоские желтые цветы.

— Не шевелись! — воскликнул он. — Подумай, никак не пойму, какие у тебя волосы! Яркие, как медь и золото, и красные, будто пламенеющая медь, а где коснулось солн-це, золотые пряди. Надо же, и это называется шатенка. Твоя мама говорит, они мышиноного цвета.

Гертруда взглянула в его заблестевшие глаза, но ясное лицо ее едва ли выдало обуявшую ее радость.

— Но ты говоришь, ты коммерцию не любишь, — про-должала она.

— Не люблю. Терпеть не могу! — с жаром воскликнул он.

— И предпочел бы стать священником, — это прозвун-чало почти умоляюще.

— Да. Предпочел бы, если б думал, что из меня получит-ся выдающийся проповедник.

— Тогда почему ж тебе не стать... не стать, кем хочешь? — в голосе ее прозвучал вызов. — Будь я мужчиной, меня бы ничто не остановило.

Она гордо вскинула голову. И Джон Филд даже оробел.

— Но отец такой упрямый. Он решил определить меня по коммерческой части, и он поставит на своем.

— Но ведь ты мужчина! — воскликнула Гертруда.

— Этого еще недостаточно, — хмурясь, отвечал Джон, смущенный и беспомощный.

Теперь, в Низинном, среди хлопот по хозяйству, уже имея кой-какое представление о том, что значит быть мужчиной, она понимала, что просто быть мужчиной и вправду недостаточно.

В двадцать лет из-за слабости здоровья она уехала из Ширнесса. Отец увез семью на родину, в Ноттингем. А отец Джона Филда разорился; и сын отправился учительствовать в Норвуд. Она ничего о нем не знала, пока наконец два года спустя не навела справки. Оказалось, он женился на своей квартирной хозяйке, сорокалетней вдове, у которой была кое-какая земля.

И однако миссис Морел по сей день хранит подарок Джона — Библию. Теперь она не назвала бы его мужчиной... Что ж, она отлично поняла, что ему дано, а что нет. И она хранит эту Библию, и нетронутой хранит в сердце память о нем. До конца своих дней, тридцать пять лет, она о нем ни разу не заговорила.

Двадцати трех лет она на рождественской вечеринке познакомилась с молодым человеком из Эроушвелли. Морелу было тогда двадцать семь. У него была хорошая осанка, держался он прямо и молодцевато. Его черные волнистые волосы к тому же еще блестели, и черная роскошная борода явно никогда не знала бритвы. Щеки румяные, а красный влажный рот особенно приметен оттого, что Морел много и заразительно смеялся. И смех редчайший —

глубокий и звонкий. Гертруду Коппард он совершенно очаровал. Был он так ярок, так полон жизни, такой услужливый и милый со всеми, так естественно звучали в его голосе комические нотки. У ее отца было отлично развито чувство юмора, да только сатирического. А у этого человека он другой: мягкий, немудреный, сердечный, какой-то веселящий.

Сама она была иного склада. Имела пытливым, восприимчивым ум и с огромным удовольствием, с интересом слушала других. Была она мастерица разговорить человека. Любила пофилософствовать и считалась девушкой весьма мыслящей. А всего больше ей нравилось беседовать с каким-нибудь хорошо образованным человеком о религии, философии или политике. Такая радость ей выпадала нечасто. И приходилось довольствоваться рассказами людей о себе, находить отраду в этом.

Была она небольшого роста, хрупкого сложения, с высоким лбом и шелковистыми прядями каштановых кудрей. Голубые глаза смотрели на мир прямо, целомудренно и испытующе. Руки были красивые, в Коппардов. Платья она носила неброские. Предпочитала темно-голубой шелк со своеобразной отделкой из серебристых фестонов. Фестоны да тяжелая брошь витого золота служили единственными украшениями. Была она еще совсем нетронута жизнью, глубоко набожна и исполнена милого чистосердечия.

Глядя на нее, Уолтер Морел словно таял от восхищения. Ему, углекопу, она представлялась истинной леди, загадочной и чарующей. Когда она разговаривала с ним, ее южный выговор, ее великолепный английский язык приводили его в трепет. Она приглядывалась к нему. Он хорошо танцевал, танец был словно его радостным естеством. Его дед, французский беженец, женился на буфетчице англичанке... если только это можно назвать браком. Гертруда смотрела на молодого углекопа, когда он танцевал, — и было в его движениях некое волшебство, едва уловимое ликование, смо-

трела на его лицо, расцветающее румянцем под копной черных волос и одинаково смеющееся, когда он наклонялся над своей партнершей, кто бы она ни была. Удивительный человек, никогда она такого не встречала. Образцом мужчины ей казался отец. А Джордж Коппард, с гордой осанкой, красивый и довольно язвительный, разительно отличался от этого углекопа; всем книгам Джордж предпочитал книги богословские и подобие симпатии испытывал к единственному человеку — апостолу Павлу, был неизменно суров с подчиненными, а со знакомыми насмешлив и пренебрегал чувственными удовольствиями. Сама Гертруда не без презрения относилась к танцам, не испытывала к ним ни малейшей склонности и не давала себе труда научиться даже простейшему «Роджеру». Как и отец, была она пуританка, возвышенна в мыслях и воистину строга в поведении. И оттого смугло-золотистая мягкость чувственного пламени жизни, что исходила от Морела, точно от пламени свечи, которую не подавляли и не гасили ни мысль, ни душевный настрой, как у нее самой, казалось ей удивительной, непостижимой.

Он подошел и склонился над ней. По всему ее телу разлилось тепло, точно она выпила вина.

— Ну пойдете же, станцуем, — ласково пригласил он. — Этот танец ведь совсем легкий. Мне страсть охота поглядеть, как вы танцуете.

Она уже говорила ему, что танцевать не умеет. Глядя, как смиренно он ждет, она улыбнулась. Улыбка у нее была прелестная. И так его тронула, что он совсем потерял голову.

— Нет, я не буду танцевать, — мягко отказалась она. И слова ее прозвучали отчетливо и звонко.

Не думая, что делает, — чутье нередко подсказывало ему, как вернее поступить, — он сел рядышком, почти-точно наклонился.

— Но зачем же вам пропускать танец, — с укором сказала Гертруда.

— Да нет, не желаю я этот, не по мне он.

— А меня, однако, пригласили.

Он от души рассмеялся.

— А ведь верно. Вот вы со мной и расправились.

Теперь, в свою очередь, рассмеялась она.

— Непохоже, что с вами так уж легко справиться, — сказала она.

— Я будто пороссячий хвостик, никак не расправляюсь, сам не знаю, как скручусь да выкручусь, — он громко и весело рассмеялся.

— И ведь вы углекоп! — удивленно воскликнула она.

— Да. Десяти лет в шахту спустился.

Она взглянула на него и сочувственно и недоверчиво.

— Десяти лет! Но, наверно, было очень тяжело?

— Так ведь скоро привыкаешь. Живешь будто мышь, а ночью выскакиваешь поглядеть, что на белом свете делается.

— Я словно сразу ослепла, — нахмурясь, сказала Гертруда.

— Будто крот! — рассмеялся он. — А у нас и впрямь есть ребята, ну будто кроты. — Он вытянул вперед голову совсем как крот, который вслепую вынюхивает, выискивает дорогу. — А все одно двигаются! — простодушно заверил он. — Ты и не видывала. Дай срок, сведу тебя вниз, сама поглядишь.

Гертруда посмотрела на него со страхом. Ей внезапно открылась новая сторона жизни. Ей представилась жизнь углекопов: сотни мужчин тяжело трудятся под землей, а вечером выходят на поверхность. Какой же он замечательный. Каждый день рискует жизнью, и так весело. В своем бесхитростном смирении она взглянула на него чуть ли не с благоговением.

— А может, не желаешь? — с нежностью спросил он. — А то, глядишь, перепачкаешься.

С тех пор как она стала взрослой, никто никогда не обращался к ней на «ты».

На следующее Рождество они поженились, и первые три месяца она была совершенно счастлива, и еще полгода тоже были счастливые.

Морел дал обет не пить и носил голубую ленту общества трезвенников — он любил покрасоваться. Жили они, как думала Гертруда, в его собственном доме. Был он небольшой, но довольно удобный и вполне мило обставлен солидной добротной мебелью, которая вполне подходила ее бесхитростной натуре. Соседки были ей изрядно далеки, а мать и сестры Морела только что не потешались над ее благородными манерами. Но она могла прекрасно обходиться без них, был бы рядом муж.

Иногда, наскучив разговорами о любви, она пыталась всерьез открыть ему душу. И видела: он слушает уважительно, но не понимает. Это убивало ее стремление к большей душевной близости, и временами ее охватывал страх. Иногда вечерами им овладевало беспокойство, и она понимала: ему недостаточно просто быть подле нее. И радовалась, когда он находил себе какие-нибудь дела по дому.

У него были поистине золотые руки — чего только он не мог сделать или починить. И она, бывало, говорила:

— Как же мне нравится кочерга твоей матушки — такая маленькая, изящная.

— Да неужто? Так ведь это я смастерил, лапушка... могу и тебе сделать.

— Что ты говоришь! Она же стальная!

— А хоть бы и так! Сделаю и тебе вроде нее, может, даже и такую.

Ей не докучал беспорядок, стук молотка, шум. Зато муж был занят и счастлив.

Но однажды, на седьмом месяце их брака, она чистила его выходной пиджак и нащупала в грудном кармане какие-то

бумаги, ее вдруг взяло любопытство, она вынула их и прочла. Сюртук, в котором венчался, он носил очень редко, да и бумаги прежде не вызывали у нее любопытства. Это оказались счета на их мебель, до сих пор не оплаченные.

— Послушай, — сказала она вечером, после того как муж вымылся и пообедал, — я нашла это в кармане твоего свадебного сюртука. Ты еще не заплатил по этим счетам?

— Нет. Не успел.

— Но ты же говорил, все оплачено. Давай я схожу в субботу в Ноттингем и рассчитаюсь. Не нравится мне сидеть на чужих стульях и есть за неоплаченным столом.

Морел молчал.

— Дашь мне свою банковскую книжку?

— Дать-то дам, а что толку?

— Я думала, ты... — начала она. Он говорил, у него отложена изрядная сумма. Но что толку задавать вопросы. Горечь, негодование охватили ее, и она сурово замкнулась в себе.

Назавтра она отправилась к свекрови.

— Это ведь вы покупали Уолтеру мебель? — спросила она.

— Ну, я, — с вызовом ответила она.

— Сколько ж он дал вам на нее денег?

Свекровь возмутилась до глубины души.

— Восемьдесят фунтов, если тебе уж так надобно знать, — ответила она.

— Восемьдесят фунтов! Значит, за нее должны еще сорок два фунта!

— Чего ж теперь сделаешь?

— Но куда ушли все деньги?

— А на все, должно, есть бумаги, ты поищи... да еще десять фунтов он должен мне, и шесть фунтов у нас тут ушло на свадьбу.

— Шесть фунтов! — эхом отозвалась Гертруда Морел. Да это просто чудовишно, ее отец так потратился на свадь-

бу, а в доме родителей Уолтера проели и пропили еще шесть фунтов, да притом за его счет!

— А сколько Уолтер вложил в свои дома? — спросила Гертруда.

— В свои дома... какие такие дома?

У Гертруды даже губы побелели. Он говорил, что дом, в котором они живут, и соседний тоже — его собственность.

— Я думала, дом, в котором мы живем... — начала она.

— Мои это дома, обое, — сказала свекровь. — И заложенные они. Я плачу проценты по закладной, а на чего другое у меня денег нет.

Гертруда сидела молча, с побелевшими губами. Сейчас она уподобилась своему отцу.

— Значит, нам следует платить вам за аренду, — холодно сказала она.

— Уолтер мне платит, — ответила мамаша.

— Сколько же? — спросила Гертруда.

— Шестьдесят шесть в неделю, — ответствовала мамаша.

Дом того не стоил. Гертруда выпрямилась, вскинула голову.

— Тебе вон как повезло, — поддела ее свекровь, — об деньгах у мужа голова болит, а ты можешь жить припеваючи.

Молодая ничего на это не ответила.

Мужу она мало что сказала, но обходиться с ним стала по-другому. В гордой, благородной душе ее что-то окаменело.

Наступил октябрь, и все ее мысли были о Рождестве. Два года назад на Рождество она с ним познакомилась. В прошлое Рождество вышла за него замуж. В это Рождество родит ему дитя.

— Вы вроде не танцуете, миссис Морел? — спросила ее ближайшая соседка в октябре, когда только и разговору было, что об открытии танцевальных классов в гостинице «Кирпич и черепица» в Бествуде.

— Нет... танцы никогда меня не привлекали, — ответила она.

— Чудно! И надо же, а за такого вышла. Хозяин-то ваш самый знаменитый танцор.

— А я и не знала, что он знаменитый, — засмеялась миссис Морел.

— Ага, еще какой знаменитый! Как же, больше пяти годов заправлял танцевальными классами в клубе «Шахтерский герб».

— Вот как?

— Ну да, — сказала другая. — Каждый вторник, и четверг, и субботу там, бывало, яблоку негде упасть... и уж миловались там, все говорят.

От таких разговоров тошно и горько становилось миссис Морел, а наслушалась она их предостаточно. Поначалу соседки ее не щадили, потому что, хотя и не ее это вина, а была она им неровня.

Морел стал возвращаться домой довольно поздно.

— Они теперь работают допоздна, верно? — сказала она своей прачке.

— Да сдается мне, как обыкновенно. А только после работы норвят пива хлебнуть у Элен, а там пойдут разговоры разговаривать, вот время и проходит. Глядишь, обед и простыл... ну, так им и надо.

— Но мистер Морел спиртного в рот не берет.

Прачка выпустила из рук белье, глянула на миссис Морел, но так ничего и не сказала и опять принялась стирать.

Родив сына, Гертруда Морел тяжело захворала. Морел за ней преданно ухаживал, очень преданно. А ей вдали от родных было отчаянно одиноко. Одиноко было и с ним, при нем чувство это становилось только острее.

Мальчик родился маленький, хрупкий, но быстро выправлялся. Был он такой хорошенький, с темно-золотистыми кудряшками и темно-голубыми глазами, которые

постепенно светлели и стали серыми. Мать души в нем не чаяла. Он явился на свет, когда горечь разочарования давалась ей особенно тяжело, когда подорвана оказалась вера в жизнь и на душе было безрадостно и одиноко. Она не могла наглядеться на свое дитя, и отец ревновал.

Кончилось тем, что миссис Морел стала презирать мужа. Всю свою любовь она обратила на ребенка, а от отца отвернулась. Он же перестал замечать ее, собственный дом утратил для него прелесть новизны. Тряпка он, с горечью сказала себе Гертруда Морел. Идет на поводу сиюминутного чувства. Не может твердо держаться чего-то одного. Только и умеет пускать пыль в глаза.

И между мужем и женой началась война — жестокая, беспощадная, которая кончилась лишь со смертью одного из них. Жена добивалась, чтобы он взял на себя обязанности главы семьи, чтобы выполнял свой долг. Но слишком он был непохож на нее. Он был натурой сугубо чувственной, а жена старалась обратить его в человека нравственного, человека добродетельного и религиозного. Она пыталась заставить его смело смотреть в лицо жизни. А ему это было невтерпез, приводило его в ярость.

Малыш был еще крохой, а отец стал совсем неуправляем, ненадежен. Стоило ребенку чуть провиниться, и отец накидывался на него с бранью. И чуть что давал волю своим шахтерским ручищам. В такие минуты миссис Морел начинала ненавидеть мужа, ненавидела не день и не два, и он уходил из дому и напивался, только ее это уже не трогало. Но, когда он возвращался, она безжалостно его язвила.

Из-за этой их отчужденности он иной раз, сознательно или бессознательно, грубо ее оскорблял, чего прежде не сделал бы.

Уильяму был всего год, и такой он стал хорошенький, что мать им гордилась. Жила она теперь в скудости, но ее сестры наряжали мальчика. И с густыми кудрями, в белой

шапочке с развевающимся страусовым пером и в белом пальтишке он был ее утехой. Однажды воскресным утром миссис Морел лежала и прислушивалась — внизу отец болтал с малышом. Потом задремала. Когда она сошла вниз, в камине пылал огонь, было жарко, кое-как накрыт стол к завтраку, у камина в своем кресле сидел Морел, несколько смущенный, а между его колен стоял малыш, остриженный как овца — головенка такая смешная, круглая, — и озадаченно смотрел на нее, а газета, расстеленная на каминном коврикe, усыпана была мириадами завитков, пламенеющих в отблесках пламени точно лепестки бархатцев.

Миссис Морел замерла. То было ее первое дитя. Она побелела, не в силах вымолвить ни слова.

— Как он тебе нравится? — с неловким смешком спросил Морел.

Она сжала кулаки, подняла и пошла на него. Морел отшатнулся.

— Убить тебя мало, убить! — сказала она. И поперхнулась от ярости, все еще с поднятыми кулаками.

— Нечего девочку из него делать, — испуганно сказал Морел, пригнув голову, чтоб не встретиться с ней взглядом. Ему было уже не до смеха.

Мать смотрела, как он обкорнал ее малыша. Она обняла наголо обстриженную головенку и стала гладить и ласкать ее.

— Ох, мой маленький! — голос изменял ей. Губы задрожали, лицо исказилось, она обхватила мальчика, спрятала лицо у него на плече и мучительно зарыдала. Она была из тех женщин, которые не способны плакать, которым это так же нестерпимо, как мужчине. Каждое рыдание будто с трудом вырывали у нее из груди.

Морел сидел, уперев локти в колени, так стиснул руки, даже костяшки побелели. Чуть ли не оглушенный, кажется, не в силах перевести дух, он безотрывно смотрел в огонь.

Но вот рыдания стихли, мать успокоила малыша и убрала со стола. Газету, усыпанную кудряшками, она оставила на каминном коврике. Муж наконец поднял ее и сунул поглубже в огонь. Миссис Морел хозяйничала, сжав губы, молча. Морел был подавлен. С несчастным видом слонялся по дому, и каждая трапеза была для него в этот день пыткой. Жена разговаривала с ним вежливо, ни словом не помянула, что он натворил. Но он чувствовал, что-то между ними решилось окончательно.

Позже она сказала, что вела себя глупо, рано или поздно мальчика все равно надо было постричь. В конце концов даже заставила себя сказать мужу, мол, вполне можно было это сделать и тогда, когда ему вздумалось разыграть парикмахера. Но и она, и Морел знали, из-за его поступка что-то в ней круто изменилось. Случай этот она помнила до конца своих дней, — никогда еще ничто не причинило ей такой душевной боли.

Это проявление мужской грубости пробило брешь в ее любви к Морелу. Прежде, яростно сражаясь с ним, она волновалась, уж не теряет ли она его. Теперь ее не волновало больше, любит он ее, нет ли — он стал ей чужим. И жить стало легче.

Однако миссис Морел по-прежнему воевала с мужем. По-прежнему в ней силен был высоконравственный дух добродетели, унаследованный от нескольких поколений пуритан. Теперь в ней говорила впитанная с молоком матери набожность, и в отношениях с мужем она доходила чуть ли не до фанатизма, потому что любила его, по крайней мере любила прежде. Если он грешил, она терзала его. Если пил, лгал, нередко вел себя как отъявленный трус, а случалось, и плутовал, она безжалостно его бичевала.

На беду, она слишком была с ним несхожа. Не могла она удовольствоваться тем малым, что было ему дано; он нужен был ей таким, каким по ее понятиям следовало

быть. И вот, стремясь сделать его благороднее, чем он способен был быть, она губила его. Себя она ранила, бичевала до рубцов и шрамов, но все ее достоинства оставались при ней. К тому же у нее были дети.

Морел пил, и немало, хотя не больше многих других углекопов, притом только пиво, так что, хотя это и отражалось на его здоровье, особого вреда ему не причиняло. Конец недели был у него любимое время для загула. Каждую пятницу, субботу и воскресенье он весь вечер, до самого закрытия, сидел в «Гербе углекопа». В понедельник и вторник он с большой неохотой уходил из пивной не позднее десяти. В среду и четверг иногда проводил вечера дома, а если уходил, то всего на часок. Работу же из-за выпивки никогда не пропускал.

Но хотя работник он был на редкость надежный, платили ему все меньше и меньше. Он болтал лишнее, давал волю языку. Начальство было ему ненавистно, и он вовсю честил штейгеров.

— Нынче утром приходит к нам в забой десятник и говорит, — рассказывал он в пивной Палмерстона. — «Нет, говорит, Уолтер, так не годится. Это разве стойки?» А я ему, мол: «Чего зря болтать? Чем тебе стойки не поглянулись?» А он: «Так не пойдет, говорит, у тебя свод не сегодня завтра рухнет». А я ему: «Так ты стань вон на глыбу да своей головой и подопри». Ну, он взбеленился, озлел, ругается, а ребята гогочут. — У Морела явно была актерская жилка. Он отлично изображал самодовольного десятника, который пытался скрипуче выговаривать слова по всем правилам, а не на местный лад. «Я, говорит, этого не потерплю, Уолтер. Кто в деле разбирается лучше, я или ты?» А я ему: «Почем мне знать, Элфрид, много ли ты смыслишь. Только и умеешь, что в постель да из постели».

Так Морел без конца развлекал своих собутыльников. И кое-что из его рассказов было правдой. Штейгер мало в чем разбирался. Мальчишками они с Морелом росли ря-

дом и, хоть недолюбливали друг друга, давно так или иначе друг с другом свыклись. Но вот рассказней в пивной Элфрид Чарлзуорт своему сверстнику не прощал. И хоть тот был умелый углекоп и когда женился, иной раз получал добрых пять фунтов в неделю, со временем забои, в которые его ставили, оказывались все хуже и хуже, уголь в них залегал тонким слоем, вырубать его было трудно и неденежно.

К тому же летом на шахтах наступает затишье. В яркие солнечные дни мужчины часто разбредаются по домам уже в десять, одиннадцать, двенадцать часов. У устья выработки не видно пустых вагонеток. И женщины, по утрам выбивая о забор каминные коврики, смотрят с окрестных холмов вниз, считают, сколько платформ тащит по долине паровоз. А дети, возвращаясь в обед из школы, глядят на шахты, видят, что колесо на главном стволе не крутится, и говорят:

— На Минтоне пошабшили. Отец, должно, дома.

И на все лица будто тень ложится — на женские, на детские и на мужские, ведь в конце недели получка будет жалкая.

Морел обычно давал жене тридцать шиллингов в неделю на все про все: на арендную плату, еду, одежду, на взносы в общество взаимопомощи, на страховку и на докторов. Иногда, расщедрившись, давал тридцать пять. Но куда чаще, напротив, ограничивался двадцатью пятью. Зимой, если углекопу доставался хороший забой, он мог заработать пятьдесят, а то и пятьдесят пять шиллингов в неделю. Тогда он бывал рад и счастлив. Вечером в пятницу, в субботу и в воскресенье давал себе волю, спускал порой и целый соверен. И из таких деньжищ едва ли уделял детям лишний пенни, фунта яблок и то им не покупал. Все шло на выпивку. В плохие времена он зарабатывал меньше, зато не так часто напивался, и миссис Морел, бывало, говорила:

— Пожалуй, даже лучше, когда денег в обрез, ведь когда он при деньгах, нет у меня ни минуты покоя.

Если он получал сорок шиллингов, он оставлял себе десять, из тридцати пяти оставлял себе пять, из тридцати двух — четыре, из двадцати восьми — три, из двадцати четырех — два, из двадцати — полтора, из восемнадцати — один шиллинг, из шестнадцати — шестипенсовик. Он никогда не отложил ни гроша и жене тоже не давал такой возможности; больше того, ей даже иногда приходилось платить его долги; не за выпитое пиво — эти долги с женщин никогда не спрашивали, — но за канарейку, которую ему вздумалось купить, или за щегольскую трость.

Во время ярмарки Морел работал плохо, и миссис Морел выбивалась из сил, чтобы отложить на роды. Горько ей было думать, что она, измученная, сидит дома, а он меж тем развлекается и сорит деньгами. Праздничных дней было два. Во вторник Морел поднялся чуть свет. Настроение у него было отличное. Спозаранку, еще и шести не было, она услышала, как он, насвистывая, спускается по лестнице. Насвистывал он всегда премило, весело и мелодично. И чаще всего церковные гимны. Мальчиком он пел в церковном хоре, голос у него был очень хорош, и он исполнял сольные партии в Саутуэллском соборе. Только по его утреннему свисту и можно было это представить.

Лежа в постели, жена прислушивалась, как он на скорую руку что-то мастерит в огороде, пилит, прибывает, и звенит, переливается его свист. И всякий раз, когда ранним ярким утром он вот так радовался на свой мужской лад, а дети еще спали и сама она еще лежала в постели, на душе у нее становилось тепло и покойно.

В девять, когда дети, еще босые, играли на диване, а мать умывалась, Морел, кончив плотничать, вошел в дом, рукава сорочки закатаны, жилет нараспашку. С черной волнистой шевелюрой и пышными черными усами он был еще очень недурен. Лицо, пожалуй, чересчур румяное и чуть ли

не капризное. Но сейчас он был весел. И пошел прямо к раковине, где умывалась жена.

— Вот ты где! — раскатился по дому его голос. — Поди отсюда, дай мне сполоснуться.

— Можешь и подождать, пока я кончу, — сказала жена.

— Вот еще! А если не погожу?

Благодушная угроза эта позабавила миссис Морел.

— Тогда поди умойся в лохани с теплой водой.

— Чего ж, это можно, чумичка ты моя.

Говоря так, он постоял, поглядел на нее, потом отошел, чтоб дать ей домыться.

При желании он и теперь еще мог выглядеть хоть куда. Обычно, выходя из дому, он обертывал шею шарфом. А вот сейчас принялся всерьез наводить глянец. Со вкусом отдувался и полоскался, потом поспешно кинулся к зеркалу в кухне и, склонясь, — уж очень низко оно висело, — так старательно расчесал на пробор влажные черные волосы, что миссис Морел даже досада взяла. Он пристегнул отложной воротничок, надел черный галстук-бабочку и парадный костюм. Теперь он глядел щеголем, не столько оттого, что прифрантился, сколько благодаря бессознательному умению блеснуть своей внешностью.

В половине десятого за ним зашел его приятель Джерри Порди. Джерри был закадычный друг Морела, а миссис Морел его недолюбливала. Был он высокий, тощий, с лисьей физиономией, и глаза, казалось, совсем без ресниц. Он гордо выступал, осторожно неся голову, будто она держалась на ломкой деревянной пружине. По натуре он был человек холодный и расчетливый. Само великодушие, когда уж хотел быть великодушным, он, казалось, души не чаял в Мореле и на свой лад опекал его.

Миссис Морел терпеть его не могла. Она помнила его жену — та умерла от чахотки и под конец так яростно возненавидела мужа, что, если он входил к ней в комнату,

у нее начинала идти кровь горлом. Но, похоже, ни то ни другое Джерри не смущало. И теперь старшая, пятнадцатилетняя дочь хозяйничала в его нищем доме и заботилась о двух младших детях.

— Бессердечный скряга! — говорила о нем миссис Морел.

— Отродясь не видал, чтоб Джерри скряжничал, — возражал Морел. — Широкий парень, отродясь щедрей чело- века не видал, — вот он, по-моему, какой.

— Это он с тобой щедрый, а своим детям, бедняжкам, каждый грош жалеет, — не соглашалась миссис Морел.

— Бедняжкам! Это почему ж такое они бедняжки, ин- тересно?

Но когда речь заходила о Джерри, миссис Морел оста- валась непреклонной.

А предмет их спора был уже тут как тут — его голова на тощей шее показалась над кухонной занавеской. Он пой- мал взгляд миссис Морел.

— Доброго утрачка, хозяйка! Сам дома?

— Да... дома.

Не дожидаясь приглашения, Джерри вошел и остано- вился у порога. Сесть она ему не предложила, и он так и стоял, невозмутимо утверждая права мужчин и мужей.

— Денек что надо, — сказал он миссис Морел.

— Да.

— На дворе красота... прогуляться сейчас красота.

— Собираетесь прогуляться? — спросила миссис Морел.

— Да. Хотим прогуляться в Ноттингем, — был ответ.

— Хм!

Мужчины поздоровались, оба с явным удовольствием, од- нако Джерри держался свободно и уверенно, Морел же до- вольно скованно — в присутствии жены боялся слишком явно выказывать радость. Но резво, мигом зашнуровал баш- маки. Им предстояло пройти пешком, полями десять миль до Ноттингема. Поднявшись из Низинного на холм, они ве-

Содержание

Часть первая	5
1. Первые супружеские годы Морелов.....	7
2. Рождение Пола и еще одно сражение.....	41
3. Отход от Морела — сражение за Уильяма.....	66
4. Юные годы Пола.....	82
5. Пол бросается в жизнь.....	117
6. Смерть в семье.....	158
Часть вторая	197
7. Юношеская любовь.....	199
8. Любовный поединок.....	251
9. Поражение Мириам.....	299
10. Клара.....	351
11. Испытание Мириам.....	386
12. Страсть.....	417
13. Бакстер Доус.....	470
14. Освобождение.....	519
15. Брошенный.....	559

Літературно-художнє видання

ЛОУРЕНС Девід Герберт

Сини й коханці

Роман

(російською мовою)

Головний редактор *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Художній редактор *В. О. Трубчанинов*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *А. В. Колеснікова*

Підписано до друку 11.09.2020. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Lazurski». Ум. друк. арк. 30,24. Наклад 3000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля». Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24. Е-mail: sor@bookclub.ua

Віддруковано у АТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різвяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

ЛОУРЕНС Дэвид Герберт

Сыновья и любовники

Роман

Главный редактор *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Художественный редактор *В. А. Трубчанинов*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *А. В. Колесникова*

Подписано в печать 11.09.2020. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Lazurski». Усл. печ. л. 30,24. Тираж 3000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга». Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24. Е-mail: sor@bookclub.ua

Отпечатано в АТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57

e-mail: trade@ksd.ua

Приглашаем к сотрудничеству авторов

e-mail: publish@ksd.ua

Місіс Морел не була щасливою у шлюбі. Усю свою любов вона віддала синові Полу. Він став для неї сенсом життя. Коли Пол змужнів, у його житті з'явилася дівчина на ім'я Міріам. Закоханість полонила хлопця, однак між ним та Міріам постала місіс Морел. Він має зробити нелегкий вибір між матір'ю і коханою. Але зустріч із Кларою все змінює...

Лоуренс Д. Г.

Л81 Сынovia и любовники : роман / Дэвид Герберт Лоуренс ; пер. с англ. Р. Облонской. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 576 с.

ISBN 978-617-12-8172-1

Миссис Морел не была счастлива в браке. Всю свою любовь она отдала сыну Полу. Он стал для нее смыслом жизни. Когда Пол возмужал, в его жизни появилась девушка по имени Мириам. Влюбленность захлестывает парня, но между ним и Мириам встала миссис Морел. Он должен сделать нелегкий выбор между матерью и любимой. Однако встреча с Кларой все меняет...

УДК 821.111